

УДК 165.0

DOI: 10.15372/PS20220409

О.А. Козырева**О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ¹**

В статье обсуждается вопрос о взаимоотношении семантики и прагматики естественных языков. Представлена идея о необходимости модификации семантики Д. Каплана для индексикалов и демонстративов и рассмотрено возражение о том, что подобной модификации не требуется, а для интерпретации сложных случаев семантику следует дополнить прагматикой. Защищается тезис о том, что включение факторов, традиционно считающихся прагматическими, в семантику основывается на представлении о подчинении семантики цели объяснения языковой коммуникации.

Ключевые слова: семантика; прагматика; референция; значение; контекстная зависимость; индексикал

O.A. Kozyreva**ON THE DISTINCTION BETWEEN SEMANTICS
AND PRAGMATICS**

The article discusses the relationship between semantics and pragmatics of natural languages. The idea that we have to modify D. Kaplan's semantics for dealing with indexicals and demonstratives is presented; an objection to this idea based on the unnecessary character of such semantic modification because we can explain the controversial cases by appealing to pragmatics is considered. The author argues that the attempts to pragmatize semantics are based on the idea that semantics is subordinated to the goal of explaining language communication.

Keywords: semantics; pragmatics; reference; meaning; context dependence; indexical

Данная статья фактически представляет собой продолжение панельной дискуссии, опубликованной в «Вестнике Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Козырева О.А., 2022

(2022, № 67). В рамках этой дискуссии в статье [3] я обсуждала вопрос о референции индексикалов и связанную с ним идею о необходимости модифицировать каплановскую семантику из-за ее несоответствия в ряде коммуникативных случаев языковым интуициям носителей языка (кейсы автоответчика [13], оставленных записок [5; 11], ТВ-трансляции передачи [12]).

Основное возражение, выдвигаемое, в частности, Е.В. Борисовым [1], заключалось в том, что с объяснением языковых интуиций в указанных выше случаях может успешно справиться прагматика использования индексикалов в коммуникации, а семантика подобных языковых выражений должна оставаться без изменений. К тому же те способы модификации семантики, которые предлагаются различными исследователями, на самом деле представляют собой попытки прагматического объяснения, но никак не семантического. Более развернутый ответ на это возражение я хотела бы представить в настоящей статье.

Тезис, который я защищала в рамках панельной дискуссии, заключался в том, что предпринимаемые рядом исследователей попытки модифицировать семантику Каплана для индексикалов являются действительно семантическими, а не прагматическими (как склонен полагать Е.В. Борисов), поскольку семантический анализ — это анализ значения предложения, сводимый к обнаружению выраженной в предложении пропозиции, определение которой, в свою очередь, требует указания референтов входящих в предложение языковых выражений. Вследствие того, что индексикальные выражения сами по себе не имеют фиксированных референтов, те факторы, которые влияют на определение этих референтов, также должны получать свое выражение в рамках семантики.

Данный тезис, по сути, предполагает, что основным критерием отнесения исследования значения языковых выражений к области семантики выступает тот, что можно было бы назвать критерием пропозициональности, и дефиниция семантики в соответствии с ним могла бы выглядеть следующим образом: исследование значения является семантическим тогда и только тогда, когда его цель состоит в определении выраженной в предложении пропозиции.

Если обратиться к примеру, который использует Е.В. Борисов для иллюстрации различия между семантическим и прагматическим видами анализа значения (прикрепленная к двери записка «Я приду позже» [2]), то, согласно дефиниции семантики, данной выше, опре-

деление референта «я», предшествующее определению пропозиции, выражаемой в этом предложении, является семантической задачей. Конкретные факторы, которые помогут определить этот референт, будут зависеть от конкретной ситуации, в которой данное предложение будет высказано. Так, если написавший эту записку и, следовательно, фактически совершивший данное высказывание будет отличаться от того, на кого указывает «я» в записке (например, записка прикреплена на дверь кабинета, уведомляя подходящих к двери о том, что тот, в чей кабинет она ведет, вернется позже, однако записку от его лица написал коллега), то фактором, влияющим на определение референта, будет выступать социальная практика оставления записок на двери. То есть это предложение будет означать не «тот, кто совершил это высказывание, придет позже», а «тот, на чьей двери висит записка, придет позже», и значение «я» в этой ситуации будет отличаться от того, которое «предсказывает» каплановская семантика.

Однако даже в той ситуации, когда совершающий высказывание действительно является тем, на кого указывает «я» в записке, т.е. записку написал он сам, фактор, влияющий на определение референта, не изменится: мы по-прежнему будем полагаться на социальную практику оставления записок на дверях, чтобы определить референт «я». Иными словами, для определения пропозиции нам абсолютно неважно, кто именно совершает высказывание (хотя именно это стандартно подразумевает характер индексикала «я»); социальная практика диктует то, как будет определяться референт индексикала в конкретной ситуации, и по этой причине семантический анализ значения предложения «я приду позже» должен включать в себя фактор этой самой социальной практики.

Е.В. Борисов строит свое возражение против приведенной дефиниции семантики на основании того, что необходимо сохранять традиционное разграничение между анализом значения предложения и анализом значения высказывания [1, с. 297]. Если вариации в значении предложения укоренены в грамматике и лексике языка, то объяснение этих вариаций должно относиться к области семантических исследований. Если источником вариаций являются сами носители языка и ситуации, в которых они используют язык, то объяснение должно относиться к области исследований прагматических. Задача семантики – объяснить, как следует понимать предложение «я приду позже» исходя из значения входящих в него выра-

жений, задача прагматики – объяснить, как понять, какая пропозиция выражена в высказанном предложении. Последнее невозможно осуществить без выбора контекста, в котором совершается высказывание, из множества контекстов, где оно могло бы быть использовано. Именно такое понимание сути семантического анализа характерно, по мнению Е.В. Борисова, для Д. Каплана и отражено в его семантике для индексикалов.

Сам Д. Каплан действительно разграничивает высказывания и предложения-в-контексте, указывая, что изучение первых составляет область интересов теории речевых актов, изучение вторых – область интересов семантики [9, р. 522]. Однако важно отметить, что роль контекста, о котором пишет Д. Каплан, – формального контекста состоит в том, чтобы указать все необходимые для определения референта языкового выражения (например, индексикала «я») параметры [8, р. 591]: агент, место, время. Соответственно, параметры контекста нужны для того, чтобы определить референт этого выражения и вслед за ним определить содержание предложения, т. е. выраженную в нем пропозицию: «Содержание порождается в контексте, и каждый контекст связан с конкретным возможным миром» [Ibid.].

Можно предположить, что Е.В. Борисов, говоря о выборе контекста для итогового определения пропозиции, имеет в виду контекст не в узком смысле, а в широком. Это разграничение вводит К. Бах [4], отождествляя первый вид контекста с формальным контекстом в каплановском смысле, а второй – с контекстом в обыденном смысле, который включает все те параметры, что не вошли в первый, но тем не менее оказывает влияние на значение выражения и предложения. Тогда с учетом различия двух видов контекста можно проинтерпретировать идею Е.В. Борисова о том, что «все контексты определяют референцию, но только один из них является коммуникативно-релевантным в каждой ситуации» [2, с. 28], как идею о том, что контекст, определяющий референцию выражения, – это контекст в узком смысле, а контекст, в котором фактически осуществляется высказывание (т.е. коммуникативно-релевантный), – контекст в широком смысле. Иными словами, контекст в узком смысле дает спецификацию базовых параметров, но какая конкретно пропозиция выражена в высказанном предложении, можно определить только после того, как будут выбраны дополнительные параметры, т.е. определен контекст в широком смысле.

Однако я полагаю, что подобный способ разграничения между семантикой и прагматикой (а именно его Е.В. Борисов и предлагает, опираясь на Д. Каплана [2, с. 29] во многом зависит от той цели построения теории языка, которая диктует это разграничению. Под этим утверждением я подразумеваю, что вопрос о разграничении семантики и прагматики обычно предваряется ответом на вопрос о том, какие именно аспекты языка нуждаются в теоретическом объяснении [7, р. 374]. Если ответы на этот вопрос различаются, то различными будут и ответы на вопрос о соотношении семантики и прагматики.

Тот традиционный способ разграничения семантики и прагматики, на сохранении которого настаивает Е.В. Борисов, предполагает, что основная задача теории языка – объяснить, как языковые выражения указывают на объекты, т.е. объяснить их референцию. Поэтому в рамках условие-истинностной семантики утверждается принцип определения условий истинности для базовых простых языковых выражений и задаются рекурсивные правила для определения условий истинности для сложных выражений, образуемых из простых. Условие-истинностная семантика не дает объяснения тому, как определять истинностное значение совершенного в конкретной ситуации высказывания. Это выпадает на долю прагматической теории, которая совместно с семантической теорией в итоге может объяснить, как носители языка интерпретируют конкретные высказанные предложения.

Если же цель построения теории языка состоит в объяснении того, как носители языка вступают в коммуникацию друг с другом и когда их коммуникация является успешной, то подобное разграничение семантики и прагматики более не представляется адекватным². И на мой взгляд, именно такую цель для теории языка имплицитно ставят те исследователи, которые предлагают модифицировать каплановскую семантику, для того чтобы она могла справляться с рядом анализируемых ими кейсов. С определенной долей условности их конфронтацию со сторонниками классически понимаемой условие-истинностной семантики можно представить как

² Очевидно, что объяснение коммуникации предполагает и объяснение референции: не понимая, на что мы указываем, когда употребляем определенные выражения, не понять, и о чем сама коммуникация. Поэтому речь далее пойдет не столько о противопоставлении целей – объяснить референцию vs. объяснить коммуникацию, сколько о соотношении этих целей, о преобладании одной над другой.

конфронтацию между «семантикой без агента» и «семантикой с агентом»³.

С точки зрения «семантики без агента» анализировать необходимо предложения, а не высказывания, которые совершаются агентами, и этот анализ сводится к определению формальных условий истинности независимо от того, в какой конкретной ситуации это предложение используется. С точки зрения «семантики с агентом» в область интересов семантики должно дополнительно входить то, что до этого считалось областью интересов прагматики, – интенции говорящих, язык, на котором совершается высказывание, социальные практики совершения высказываний и т.д. Обусловлена такая прагматизация семантики (или, как именует близкий феномен Дж. Мэй, «прагматический поворот в лингвистике» [10, р. 4]) как раз по-иному понимаемой целью теории языка, а именно объяснением коммуникации. Сторонники «семантики с агентом» не видят смысла в такой «пустой» семантике, которая не помогает определить выраженную в предложении пропозицию и, следовательно, объяснить языковую коммуникацию между агентами.

Таким образом, «семантика с агентом» видит задачу семантического анализа в определении пропозиции, выражаемой предложением. Но поскольку, во-первых, не всегда предложение выражает только одну пропозицию⁴, а во-вторых, без «помещения» его в коммуникативную ситуацию, т.е. без высказывания, само по себе предложение ничего не выражает, постольку семантический анализ должен включать в себя анализ высказываний в коммуникативных ситуациях. В противном случае основной цели теории языка, состоящей в том, чтобы объяснить коммуникацию, достичь просто не удастся.

Подобное подчинение семантики теории коммуникации [6] связано с идеей о том, что значения языковых выражений и предло-

³ Под агентом здесь я подразумеваю не параметр формального контекста в каплановской семантике, а некоторого индивида, который является участником коммуникации.

⁴ Это касается не только случаев, когда в предложении имеются индексикалы или демонстративы, но и случаев, когда в предложении есть другие, не столь очевидно контекстно зависимые, выражения. Так, в одном из примеров Ч. Трэвиса предложение «Листья клена зеленые» может иметь разные истинностные значения и, соответственно, выражать различные пропозиции в зависимости от случая употребления: в одном случае листья действительно имеют зеленый цвет из-за наличия в них хлорофилла, и предложение будет истинным, в другом случае листья только покрашены в зеленый цвет, и предложение будет ложным [14, р. 111–112].

жений с ними возникают только в коммуникации⁵. Говорить, как это делают сторонники «семантики без агента», об условиях истинности выражения вообще и об условиях истинности выражения, зависящих от выбора нужного контекста в конкретной коммуникативной ситуации, – значит придерживаться еще одного, довольно традиционного, разграничения – разграничения между знанием языка, которое предполагает понимание языковых правил, и использованием языка, которое предполагает умение применять эти правила в коммуникации. Сторонники «семантики с агентом», видя основную функцию языка в обеспечении коммуникации, такое разграничение принять не могут: отделить знание правил от их использования невозможно, а значит, объяснить значение языковых выражений без учета ситуаций их использования не удастся.

Достаточно серьезное возражение против идеи «семантики с агентом», которая включает в себя аспекты значения, традиционно отдаваемые на откуп прагматике, заключается в том, что неясным остается статус прагматики. Если то, что в рамках классического подхода считалось прагматическим аспектом значения, теперь включается в число аспектов семантических, то чем же тогда занимается прагматика? Не следует ли тогда, что от прагматики вообще придется отказаться?

Я полагаю, что ответ на данное возражение зависит от того, видим ли мы необходимость в сохранении такого разграничения между семантикой и прагматикой. Если мы ее видим, то можно придерживаться представления о прагматическом анализе как об анализе определенного рода вывода одних высказываний из других, т.е. вести речь об инференциальной (inferential) прагматике. Если же рассматривать идею подобного разграничения как устаревшую (что кажется мне более предпочтительным вариантом), то поглощение «семантикой с агентом» традиционно понимаемой прагматики не должно нас тревожить в принципе: если мы успешно справляемся с поставленной нами целью – объяснением коммуникации с использованием языковых выражений, обладающих значением, то сохранением исторически имеющегося разграничения областей исследования можно пренебречь.

⁵ В самом широком смысле семантику обычно и определяют как теорию значения.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Индексикалы, семантика и прагматика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 292–298.
2. *Борисов Е.В.* Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–30.
3. *Козырева О.А.* Проблема референции индексикалов: возможные подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 269–281.
4. *Bach K.* Context *ex Machina* // *Semantics versus Pragmatics* / Ed. by Z.G. Szabó. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 15–44.
5. *Corazza E., Fish W., Gorvett J.* Who is I? // *Philosophical Studies*. 2002. Vol. 107. P. 1–21.
6. *Gauker C.* Zero tolerance for pragmatics // *Synthese*. 2007. No. 165 (3). P. 359–371.
7. *Gillon B.S.* On the semantics/pragmatics distinction // *Synthese*. 2008. No. 165 (3). P. 373–384.
8. *Kaplan D.* Afterthoughts // *Themes from Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 565–614.
9. *Kaplan D.* Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics and Epistemology of Demonstratives and other Indexicals // *Themes from Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
10. *Mey J.L.* *Pragmatics: An Introduction*. 2nd ed. Wiley–Blackwell, 2001. 416 p.
11. *Predelli S.* I am not here now // *Analysis*. 1998. Vol. 58 (2). P. 107–112.
12. *Romdenh-Romluc K.* «!» // *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 128 (2). P. 257–283.
13. *Sidelle A.* The answering machine paradox // *Canadian Journal of Philosophy*. 1991. Vol. 21 (4). P. 525–539.
14. *Travis C.* Pragmatics // *A Companion to the Philosophy of Language*, ed. by B. Hale, C. Wright. Oxford: Blackwell, 1997. P. 87–107.

References

1. *Borisov E. V.* Indeksikaly, semantika i pragmatika [Indexicals, Semantics, and Pragmatics] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2022. № 67. S. 292–298. (In Russ.)
2. *Borisov E. V.* Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty ineksikalnykh vyrazhenii [Semantic and Pragmatic Aspects of Indexicals] // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3. № 2. S. 23–30. (In Russ.)
3. *Kozyreva O. A.* Problema referentsii indeksikalov: vozmozhnye podkhody [Some Possible Approaches to the Problem of Indexical Reference] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2022. № 67. S. 269–281. (In Russ.)

4. *Bach K.* Context ex Machina // Semantics versus Pragmatics; ed. by Z. G. Szabó. Oxford: OUP, 2005. P. 15–44.
5. *Corazza E., Fish W., Gorvett J.* Who is I? // Philosophical Studies. 2002. Vol. 107. P. 1–21.
6. *Gauker C.* Zero Tolerance for Pragmatics // Synthese. 2007. № 165 (3). P. 359–371.
7. *Gillon B. S.* On the Semantics/Pragmatics Distinction // Synthese. 2007. № 165 (3). P. 373–384.
8. *Kaplan D.* Afterthoughts // Themes form Kaplan; ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford: OUP, 1989. P. 565–614.
9. *Kaplan D.* Demonstratives // Themes form Kaplan; ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford: OUP, 1989. P. 481–563.
10. *Mey J. L.* Pragmatics: An Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2001.
11. *Predelli S.* I Am Not Here Now // Analysis. 1998. Vol. 58. P. 107–112.
12. *Romdenh-Romluc K.* «I» // Philosophical Studies. 2006. Vol. 128. P. 257–283.
13. *Sidelle A.* The Answering Machine Paradox // Canadian Journal of Philosophy. 1991. Vol. 21. P. 525–539.
14. *Travis C.* Pragmatics // A Companion to the Philosophy of Language, ed. by B. Hale and C. Wright. Oxford: Blackwell. P. 87–107.

Информация об авторе

Козырева Ольга Александровна. Уральский федеральный университет, Уральский гуманитарный институт (620000, Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51):
olgakozyreva@mail.ru

Information about the author

Kozyreva, Olga Aleksandrovna. Ural Institute of Humanities, Ural Federal University (51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia):

Дата поступления 26.10.2022